

DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-511-518

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

Теория А.Н. Веселовского о мотиве и сюжете в отражении фольклорной сказки

Т.В. Говенько

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а*

✉ govenko@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные положения теории мотива и сюжета выдающегося русского филолога А.Н. Веселовского (1838–1906) в свете фольклорной сказки. На архаическом этапе, как полагал ученый, сложение сказки подчинялось законам синкретического сознания и дуалистического мировоззрения, определивших специфику не только ее бытия, но и логико-смысловую основу сказочной модели. С переходом к религиозно-исторической парадигме общественного сознания происходит семиотическое и морфологическое переустройство сюжетостроения сказки. Ставится задача выяснить, как научный метод дифференцированного изучения мотива и сюжета позволил Веселовскому доказать, что операционная система мотива прочно связана с апперцепцией и суггестивностью, а сюжета – с комбинацией и дискурсом, что мотив имеет непосредственное отношение к вымыслу, а сюжет – к замыслу, и при этом их общность выражена идейно-художественным концептом.

Ключевые слова: мотив, сюжет, историческая поэтика, академик А.Н. Веселовский, фольклорная сказка

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления в редакцию – 15 апреля 2021 г.; дата принятия к печати – 1 июня 2021 г.

Для цитирования: Говенько Т.В. Теория А. Н. Веселовского о мотиве и сюжете в отражении фольклорной сказки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 3. № 3. С. 511–518. doi: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-511-518

A.N. Veselovsky's Theory of Motive and Plot in the Reflection of a Folk Tale

Tatiana V. Govenko

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya St, Moscow, 121069, Russian Federation*

✉ govenko@mail.ru

Abstract. The article deals with the main provisions of the theory of motive and plot of the outstanding Russian philologist A.N. Veselovsky (1838–1906) in the light of a folk tale. At the archaic stage, as the scientist believed, the composition of the fairy tale obeyed the laws of syncretic consciousness and dualistic worldview, which determined the specifics of not only its existence, but also the logical and semantic basis of the fairy-tale model. With the transition to the religious-historical paradigm of public consciousness, there is a semiotic and morphological reorganization of the plot of the fairy tale. The task is to find out how the scientific method of differentiated study of motive and plot allowed Veselovsky to prove that the operating system of the motive is strongly connected with apperception and suggestion, and the plot – with combination and discourse, that the motive is directly related to fiction, and the plot – to the idea, but at the same time their commonality is expressed by the ideological and artistic concept.

Keywords: motive, plot, historical poetics, academician A.N. Veselovsky, folklore fairy tale

Conflicts of interest. The author declare that there is no conflict of interest.

Article history: received: April 15, 2021; accepted: June 1, 2021.

For citation: Govenko, T.V. (2021). A.N. Veselovsky's theory of motive and plot in the reflection of a folk tale. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(3), 511–518. (In Russ.) doi: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-511-518

Введение

В отечественной филологической науке растёт интерес к мотивному анализу, к выделению сюжетобразующих мотивов с точки зрения их значения для фабульного развертывания, к теории мотива и сюжета как в фольклористике, так и в литературоведении в целом. В общем методологическом плане исследователи зачастую следуют направлению исторической поэтики А.Н. Веселовского, в основе которой лежит структурный и гносеологический принципы сюжетосложения.

История литературы представлялась А.Н. Веселовскому «частичным проявлением» истории мысли, требующей ясного понимания «эволюции поэтического сознания и его форм» [1. С. 57]. «Трудно представить себе, как и при каких условиях совершался тот процесс, который можно обозначить проявлением в сознании поэтического акта как личного» [1. С. 63], – писал он в работе «Из введения в историческую поэтику. Вопросы и ответы» (1894). Однако, если научиться отделять от «автора» «предание», извлекать архаические смыслы от смыслов актуальных, индивидуально отрефлексированный опыт от коллективного, справиться с этой задачей вполне возможно.

Идея атомизации литературы, заимствованная гуманитариями из биологии, привлекла интерес ученого еще в молодые годы, когда он ставил перед собой цель найти такой научный метод, который позволил бы исследователям делать обобщения, не опустив из виду «ни один член сравнения» [2. С. 45]. В лекции 1870 г. «О методе и задачах истории литературы, как науки» А.Н. Веселовский заявил о нем так: «Изучая ряды фактов, мы замечаем их последовательность, отношение между ними последующего и предыдущего; если это отношение повторяется, мы начинаем подозревать в нем известную законность; <...> Берем на проверку параллельный ряд сходных фактов: здесь отношение данного предыдущего и данного последующего может не повториться... <...>. Сообразно с этим, мы ограничиваем или расширяем наше понятие о причинности; каждый новый параллельный ряд может принести с собой новое изменение понятия; чем более таких проверочных повторений, тем более вероятно, что полученное обобщение подойдет к точности закона» [2. С. 47].

Этот научный подход А.Н. Веселовский использует и для своей новой цели, чтобы выяснить, что предшествовало «восприятию формальных элементов представлений, которые берутся за целое, становясь его символическим выражением» [3. С. 143], ученый предпринял попытку разобрать «на волокна ткань язычных построений, добираясь до все более и более простых форм» [3. С. 149], и обнаружил в архаической сказке основу для «нарастающего идеального содержания» [4. С. 542] всех художественно-повествовательных жанров.

Положения теории А.Н. Веселовского о мотиве и сюжете

Предпосылкам возникновения и причинам сохраняемости сказочной модели во времени А.Н. Веселовский посвятил большой раздел в статье «Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса» (1868). В ходе анализа он пришел к выводу, что сказка, как и слово, – продукт мифологического сознания. С мифом, уточнял ученый, «мы знакомы преимущественно в его религиозной, обрядовой стадии развития; <...> насильно эти аналогии и на общие места сказки переносить толкование знакомого нам религиозного мифа мы едва ли вправе» [5. С. 55]. Другое дело – миф архаического периода, который представлялся ему субстанциональной проекцией психических процессов, первых опытов познания человеком реальности и себя, началом его духовной эволюции и культурного развития, а сказка, следовательно, – «отложением древнего доисторического мифа» [5. С. 52], апперцепцией, «в образах облекающей жизненную суть явления» [3. С. 144].

Руководствуясь логикой: как люди мыслят – так они и сочиняют, – А.Н. Веселовский взял за основу знания социологической антропологии о «недифференцированном человеческом сознании» [6. С. 220] в первобытном обществе с его партиципаторным характером и синтагматическим планом

речи и предположил, что в архаической сказке идея, тема и план синкретичны. Исходя из этого положения, ее логико-смысловая структура соответствовала элементарной схеме $a + b$, где a – непосредственно наблюдаемое явление, а b – его объяснение силами «эмбриональной эстетики» [6. С. 221] и «наивного воображения», которые отражали «только одну какую-нибудь черту, выдавшуюся над другими» [5. С. 49]. Например: «облака не дают дождя, иссохла вода в источнике: враждебные силы закопали их, держат влагу взаперти и надо побороть врага» [4. С. 538].

Наиболее «уязвимой» с точки зрения вымысла А.Н. Веселовскому представлялась вторая часть формулы. По его мнению, ее семантика напрямую зависела от способа толкования и могла варьироваться «сообразно с новыми идеалами, привходящими в народную жизнь» [5. С. 55], а морфология подлежала «приращению». В основном это происходило за счет повтора одного и того же композиционного элемента, дублирования действий, подставления аналогичных событий, похожих встреч на пути героя, приумножения операционно-однотипных задач и т. д. Этот прием А.Н. Веселовский назвал смысловым параллелизмом, который часто подкреплялся психологическим параллелизмом и синтаксическим параллелизмом¹.

Из незавершенного сочинения А.Н. Веселовского «Поэтика сюжетов» мы извлекли и свели в одну таблицу примеры соотношения парадигм мифологического мировоззрения с их отражением в архаических сказках:

Анимизм и тотемизм	Происхождение людей от зверей и растений; брак животных с людьми; звери-кормильцы; звери-помощники; превращение в зверей или растений
Эндогамия, инцест, беспорядочные сожительства	Кровосмешение
Матриархат, партеногенезис, кувада	Беременности от еды, от влаги, от аромата, от солнечного луча, от слюны, от волос; сверхъестественное рождение
Принадлежность отца к другому роду	Бой отца с сыном
Принятие в род, побратимство	Братание и побратимство
Майорат и минорат	Кровная месть

Переход к религиозно-историческому сознанию, писал А.Н. Веселовский, отмечен новым рядом идейно-повествовательных концептов сказки:

– генеологических: о старых и новых людях, встреча великана с человеком и т. д.;

¹ В исследовании «Типология цепеведных структур» (2000) И.Ф. Амроян подтвердила мысль А.Н. Веселовского о том, что «сюжетно-композиционные нанизывания» восходят к архаической модели сознания и речи и, следовательно, являются одним из самых древних способов организации текстов.

– этимологических: о происхождении или изобретении объектов окружающей среды;

– эсхатологических: о жизни после смерти.

Когда мифологические верования и суеверия сменила хорошо организованная ритуально-культурная система христианства, элементы которой были взаимосвязаны и взаимообусловлены идеями, нацеленными на развитие индивидуальных особенностей человека, – возник еще один значимый повод к образованию новых тем и «социального обогащения» прежних народно-поэтических образов.

Эти наблюдения над историей сказки, а также над ее «живой традицией» позволили Веселовскому сделать выводы, имеющие важное значение для развития отечественной филологической мысли. Установив, что репродуктивный процесс является имманентным свойством сказки, ученый обнаружил в ее архаической форме первичный элемент повествования. Впоследствии это открытие легло в основу его дефиниции мотива. «Под мотивами, – писал он, – я разумею простейшую повествовательную единицу, образно ответившую на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения. При сходстве или единстве бытовых и психологических условий на первых стадиях человеческого развития, такие мотивы могли создаваться самостоятельно и вместе с тем представлять сходные черты» [4. С. 538].

«Узнаваемость», или суггестивность мотива, стали для А.Н. Веселовского свидетельством его глубочайшей традиционности, корни которой уходили к архаической сказке и мифу. «Прогресс в поэзии, – утверждал он, – состоит в том, что в черте известных мотивов, в границах определенных формальных сочетаний жизненное содержание, гуманное содержание мысли становится глубже, типы человечнее, интересы шире» [3. С. 142]. Другими словами, то, что удерживало мотив в позднейшем обращении, давало ему и «известную свободу»: многое такое, что первоначально не находило себе выхода, – в новых сочетаниях раскрывало его потенциал. Причем чем менее та или другая из чередующихся задач и встреч была подготовлена предыдущей, тем слабее оказывалась их внутренняя связь, «так что, например, каждая из них могла бы стоять на любой очереди» [4. С. 538] и по-разному организовывать текст.

Это явление ученый объяснял тем, что между апперцепцией, породившей мотив, и его репродукцией находится историческая дистанция, поэтому мотив, утративший первоначальный смысл, начинает действовать как слово, которое в таком случае обзаводится эпитетом. Или, как писал ученый по другому поводу: растет число пояснительных прилагательных, и вот «мы уже стоим на почве эпического рассказа... яркой эпической кантилены, этой ячейки, из которой разовьется впоследствии эпопея» [3. С. 138], а позже и роман. То есть отмена эволюцией быта когда-то действующего обряда отражается в том числе и на «изменении сказочной схемы» [4. С. 539]. В силу своей пластичности, изменчивости и свободы она начинает трансформироваться, но уже не в сторону преумножения задач и встреч, как это было на

стадии ее синкретического развития, а за счет образования новых психологических связей, коллизий и интриг. Таковы причины и условия «перерастания» мотива в сюжет.

Как писал А.Н. Веселовский, сюжет – «это сложные схемы, в образности которых обобщились известные акты человеческой жизни и психики в чередующихся формах бытовой действительности. С обобщением соединена уже и оценка действия, положительная или отрицательная» [4. С. 539]. Схематизм сюжета в отличие от схематизма мотива предполагает «‘удовольствие’ в самом себе, в радостном акте творчества, которому отвечает акт восприятия (суггестивности) со стороны зрителя или слушателя, и производящее впечатление красоты, которое переносится далее и на понятие природы» [3. С. 150]. То есть для сюжета становится важна позиция говорящего и слушающего относительно описываемой ситуации, которая во многом зависит от культурно-исторического контекста, событийных обстоятельств, духовно-нравственных и эстетических идеалов той или иной эпохи, сообщества, коллектива. Поэтому «каждое поколение вносит поправки своего опыта и накапливающих сравнений» [1. С. 59] в одну и ту же тему, накладывая «на эти старые формы свой новый чекан» [1. С. 59] и придавая новый смысл идее, суть которой менялась «от иного понимания стоящего в центре типа или типов» [4. С. 542].

Вполне очевидно, что теория А.Н. Веселовского о мотивах и сюжетах вовсе не о «механической надстройке» [7. С. 49], как ее называл Р.О. Якобсон. Отделив мотив от сюжета, Веселовский не признавал за ними разный онтогенез, для него этот шаг – всего лишь новый метод исследования. Как известно, до А.Н. Веселовского слово «мотив» употреблялось в значении «темы». Он же представил мотив еще и как знак, а сюжет – как конгломерат, в котором по-разному функционируют («снуются») мотивы. Отсюда возникли разные приемы изучения: для мотива – как знакового элемента исторической поэтики, – направленные к познанию его структурных особенностей и семантических свойств, а для сюжета – как творческой системы, – к познанию его пространственно-временной парадигмы. Отсюда, кстати, еще один вывод А.Н. Веселовского: «На почве мотивов теории заимствования нельзя строить; она допустима в вопросе о сюжетах, то есть комбинации мотивов, о сложных сказках, с цепью моментов, последовательность которых случайна и не могла ни сохраниться в этой случайной цельности, ни развиться там и здесь в одинаковой схеме из простейших мотивов» [4. С. 546].

Заключение

Научный метод дифференцированного изучения мотива и сюжета, разработанный Веселовским на базе архаической сказки, имел непосредственное отношение к его теории исторической поэтики. «Эта диахроническая первичность мотивов по отношению к сюжетам, в которых они перетасовываются, является важным аспектом его теории повествования» [8. С. 130], – считает Б.П. Маслов.

В книге «Поэтика мотива» (2004) И.В. Силантьев, развивая научные интенции Веселовского, подчеркивает: «Именно мотив как носитель устойчивых значений и образов повествовательной традиции и одновременно как повествовательный элемент, участвующий в сложении фабул конкретных произведений, обеспечивает связь „предания“ и сферы „личного творчества“» [9. С. 9–10]. Поскольку «без предварительной работы по раскрытию разновременных, разрушающих привычную периодизацию векторов, заложенных в каждой литературной форме, плуг исторической поэтики обречен бесконечно повторять движение по бороздам, пропаханным школьной историографией» [8. С. 131], теория Веселовского, в отличие, например, от чистого формализма, учитывает особенности «и семантической, и нарративной организации произведения» [10. С. 95] и позволяет реконструировать законы для языков, звуки которых никогда до нас не доносились, синтезировать морфологию и исторический экскурс, с тем чтобы устранить «опасность смешать черты, принадлежащие различным эпохам развития, старое и новое подводить под одну мерку, открывать первоначальное единство там, где оно создалось исторически, и, наоборот, не видеть его там, где оно успело раздробиться по мелочам» [3. С. 57].

Рецепции теоретической мысли А.Н. Веселовского обнаруживают себя в современных исследованиях о подвижности мотивных связей в структуре сказки; о смысловых ассоциациях, которые могут быть далеко не равноценными с точки зрения воспринимающего объекта (слушателя или читателя); о генерировании новых идей и процессах индукции, имеющих важное значение как для фольклористики, так и для литературоведения. Много было сделано им и для того, чтобы положить начало каталогизации сказочных мотивов и сюжетов; установить причины кодификации и деформулизации сказочного стиля; выявить роли ситуационного контекста и интертекстуальности в сохранении целостности семиотических и структурно-функциональных параметров сказочного текста. Благодаря этому были решены важнейшие проблемы генезиса и эволюции художественно-повествовательных форм.

Библиографический список

- [1] *Веселовский А.Н.* Из введения в историческую поэтику. Вопросы и ответы (1894) // *Веселовский А.Н. Избранное: Историческая поэтика.* М.: РОССПЭН, 2006. С. 55–74.
- [2] *Веселовский А.Н.* О методе и задачах истории литературы как науки (1870) // *Веселовский А.Н. Избранное: На пути к исторической поэтике.* М.: Автокнига, 2010. С. 9–21.
- [3] *Веселовский А.Н.* Определение поэзии // *Веселовский А.Н. Избранное: Историческая поэтика.* М.: РОССПЭН, 2006. С. 81–170.
- [4] *Веселовский А.Н.* Поэтика сюжетов // *Веселовский А.Н. Избранное: Историческая поэтика.* М.: РОССПЭН, 2006. С. 535–670.
- [5] *Веселовский А.Н.* Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса (1868) // *Собрание сочинений А.Н. Веселовского.* М.–Л.: АН СССР, 1938. Т. XVI. С. 1–82.
- [6] *Веселовский А.Н.* Лорренские сказки (1887) // *Собрание сочинений А.Н. Веселовского.* М.–Л.: АН СССР, 1938. Т. XVI. С. 212–230.

- [7] *Якобсон Р.О.* Формальная школа и современное русское литературоведение. М.: Языки современных культур, 2011. 280 с.
- [8] *Маслов Б.П.* Автомизация поэтического языка: о понятийных предпосылках русского морфологического метода // *Вопросы философии*. 2016. № 10. С. 121–131.
- [9] *Силантьев И.В.* Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры. 2004. 286 с.
- [10] *Махов А.Е.* Из истории понятия «мотив»: Веселовский versus Шерер // *Наследие Александра Веселовского в мировом контексте. Исследования и материалы*. М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 83–99.

References

- [1] Veselovskij, A.N. (2006). From an Introduction to Historical Poetics. Questions and answers. In A.N. Veselovskij. *Selected works: Historical poetics* (pp. 55–74). Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russ.)
- [2] Veselovskij, A.N. (2010). On the method and tasks of the history of literature as a science. In: A.N. Veselovskij. *Selected works: On the way to historical poetics* (pp. 9–21). Moscow: Avtokniga Publ. (In Russ.)
- [3] Veselovskij, A.N. (2006). Definition of poetry. In A.N. Veselovskij, *Selected works: Historical poetics* (pp. 81–170). Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russ.)
- [4] Veselovskij, A.N. (2006). Poetics of plots. In A.N. Veselovskij. *Selected works: Historical poetics* (pp. 535–670). Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russ.)
- [5] Veselovskij, A.N. (1938). Notes and doubts about the comparative study of the medieval epic (1868). In *Collected Works of A.N. Veselovsky* (Vol. 16, pp. 1–82). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ. (In Russ.)
- [6] Veselovskij, A.N. (1938). Lorren fairy tales (1887). In *Collected Works of A.N. Veselovsky* (Vol. 16, pp. 212–230). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ. (In Russ.)
- [7] Yakobson, R.O. (2011). *Formal School and modern Russian literary studies*. Moscow: Languages of Modern Cultures. (In Russ.)
- [8] Maslov, B.P. (2016). Automation of the poetic language: about the conceptual prerequisites of the Russian morphological method. In *Questions of philosophy*, (10), 121–131. (In Russ.)
- [9] Silantyev, I.V. (2004). *The poetics of the motif*. Moscow, Languages of Slavic culture Publ. (In Russ.)
- [10] Makhov, A.E. (2016). From the history of the concept of «motif»: Veselovsky versus Sherler. In *Legacy of Alexander Veselovsky in the world context. Research and materials* (pp. 83–99). Moscow; Saint-Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Говенько Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклора Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, доцент кафедры русской классической литературы, заместитель руководителя Центра русского языка и культуры им. А.Ф. Лосева Института филологии Московского педагогического государственного университета. ORCID: 0000-0002-1296-8399; e-mail: govenko@mail.ru

Bio note:

Tatiana V. Govenko, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Classical Literature, Deputy Head of the Center of the Russian Language and Culture. A.F. Losev Institute of Philology of the Moscow Pedagogical State University. ORCID: 0000-0002-1296-8399; e-mail: govenko@mail.ru